

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
Б90

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Бег : [сборник] / Михаил Афанасьевич Булгаков. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-122822-4

В данный сборник вошли пьесы Михаила Булгакова, не опубликованные при жизни автора.

Действие пьесы «Бег» разворачивается во время Гражданской войны; это драма о боли и беде русской эмиграции. «Иван Васильевич» — озорная комедия, позднее послужившая основой для сценария любимого в нашей стране фильма «Иван Васильевич меняет профессию». «Адам и Ева» — пьеса-антиутопия о жизни после техногенной катастрофы. «Последние дни» — биографическая трагедия о последних днях Пушкина, написанная к столетию со дня гибели поэта.

Неизменным остается в них огромный литературный талант Булгакова, его поразительное чувство слова, умение выстраивать яркие сюжеты и запоминающиеся характеры при помощи минимальных выразительных средств.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-17-122822-4

© М. А. Булгаков, наследники, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в пяти действиях

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Серафима Владимировна Корзухина, лет 25,
петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков, лет 29, сын профессора-идеалиста.

Высокопреосвященный Африкан, архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же, страха ради иудейска, химик Махров.

Пайсий, монах.

Баев, товарищ.

Первый буденовец.

Второй буденовец, с фонарем.

Григорий Лукьянович Чарнота, 35 лет, запорожец по происхождению, генерал-майор, командующий сводной кавалерийской дивизией в армии генерала Врангеля.

Барabanчикова, мадам, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська, походная жена генерала Чарноты.

Крапелин, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.
Маркиз де Бризар, обрусевший француз, командир гусарского полка в дивизии Чарноты.
Гусарский ротмистр той же дивизии.
Игумен, дряхлый и начитанный.
Монахи.
Роман Валерианович Хлудов, 35 лет.
Голован, есаул, адъютант Хлудова.
Белые штабные офицеры.
Комендант станции.
Начальник станции.
Николаевна, жена начальника станции.
Олька, дочь начальника станции, 4-х лет.
Корзухин Парамон Ильич, муж Серафимы, лет 45.
Тихий, начальник контрразведки.
Скунский, Гаджубаев, служащие в контрразведке.
Главнокомандующий вооруженными силами Юга России.
Его конвойные казаки.
Летчик
Личико в кассе.
Артур Артурыч, тараканий царь.
Фигура в котелке и в интендантских погонах.
Турчанка-мамаша.
Проститутка-красавица.
Английские, французские и итальянские моряки.
Трое в павлиньих перьях, с гармониками.
Турецкие и итальянские полицейские.
Мальчишки (турки и греки).
Муэдзин.
Армянские и греческие головы в окнах.
Антуан Грищенко, лакей Корзухина.
Грек-донжуан.

Сон первый происходит в Северной Таврии, в октябре 1920 года.

Второй сон — где-то в Крыму в начале ноября 1920 года.

Третий и четвертый — в начале ноября в Севастополе.

Пятый и шестой — в Константинополе, летом 1921 года.

Седьмой — в Париже, осенью 1921 года.

Восьмой, последний, — осенью 1921 года, в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «...Святителю отче Николае...» Из тьмы возникает скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви, где-то в Северной Таврии. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продаются свечи, широкую лавку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На лавке, укрытая с головою попоной, лежит и страдает мадам Барабанчикова. Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится что-то в нем разглядеть. В высоком игуменском кресле сидит Серафима Владимировна Корзухина. Она в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданчиком, сидит Сергей Павлович Голубков, петербургского вида молодой человек, в черном пальто и в перчатках.

Монахи (*поют таинственно*). ...Святителю отче Николае, моли бога о нас...

Голубков (*прислушавшись*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Поют... У них внизу подземелье... пещеры, как в Киеве. Вы бывали когда-нибудь в Киеве, Серафима Владимировна?

Серафима. Нет. Что? В Киеве? Нет.

Голубков. Как странно. Временами мне начинает казаться, что я вижу сон. Бежим мы с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам... Попали в церковь. Я, сидя на чемодане, заскучал по Петербургу. Вдруг вспомнилась так отчетливо моя лампа на Караванной, книги...

Серафима (*шепотом*). Зачем же вы бежали, Сергей Павлович? Нужно было остаться.

Голубков. О нет! Это бесповоротно, и пусть будет, что будет. И потом, вы уже знаете, что скрашивает мой путь... С тех пор как мы встретились в коридоре вагона, под фонарем, прошло ведь, в сущности, немного времени... один месяц скитаний, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно, давно. Мне чудится коридор дней, освященных вашими глазами. И когда они со мной, я не чувствую тяжести. Мысль о вас я легко несу через октябрьскую мглу. Пусть нам светит фонарь в теплушке. Я донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. (*Помолчав.*) А вы будете рады, Серафима Владимировна? Когда увидите его? Молчите? Ну, тогда я вам скажу. Я успокоюсь за вас, но в то же время буду страдать.

Серафима. Почему?

Голубков. Мне станет скучно без вас. Мне иногда мучительно хочется представить себе, каков он. Что это за человек. Скажите, он умен? Он смел? Быть может, добр, красив?

Серафима. Вы же видели его карточку. Он очень богат.

Голубков. И больше никаких слов для него у вас нет? О... печально. Но а зачем же вы связали с ним свою жизнь?

Серафима. Я петербургская женщина. Вышла, ну и вышла.

Г о л у б к о в. Ну что ж, я думаю, что завтра все разъяснится. Вот близок Крым, я привезу вас и сдам ему.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив руку.*) Позвольте, да у вас жар!

С е р а ф и м а. Нет, пустяки.

Г о л у б к о в. Как пустяки! Жар, ей-богу. Этого еще не хватало!

С е р а ф и м а. Вздор, Сергей Павлович! Пройдет...

Далекий, мягкий пушечный удар. Все прислушались. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

(*Вставая.*) Послушайте, мадам. Вам нельзя оставаться без помощи. Я или мой спутник проберемся в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Б а р а б а н ч и к о в а. Нет!

Г о л у б к о в. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

С е р а ф и м а. Почему вы не хотите, голубушка?

Б а р а б а н ч и к о в а (*капризно*). Не надо!

Серафима и Голубков в недоумении.

М а х р о в (*интимно, Голубкову*). Загадочная, загадочная и весьма загадочная особа...

Г о л у б к о в (*шепотом*). Вы думаете, что...

М а х р о в (*уклончиво*). Ничего я не думаю, а так... лихолетье, сударь.

Мало ли кого не встретишь на своем пути. Лежит дама, а кто ее положил? Для чего?

Пение под землей смолкает.

П а и с и й (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Отец игумен спрашивает, документы в порядке ли у вас, господа честные? (*Задует все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров тревожно роются в карманах, достают документы. Барабанчикова высовывает руку из-под попоны и выкладывает на нее паспорт. Слышны шаги, бряцанье шпор.

Б а е в (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден*). А, чтобы их черт задавил, этих монахов. У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

П а и с и й. Здесь, здесь, здесь...

Б а е в (*второму буденовцу*). Посмотри.

Второй буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(*Паусию.*) Был огонь на колокольне?

П а и с и й. Что вы, что вы, какой огонь!

Б а е в. Огонь мерцал. Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном вместе к стенке поставлю. Шпионы! Сукины дети!.. Фонарями махали генералу Чарноте?

П а и с и й. Господи, что вы!

Баев зажигает карманный электрический фонарь, и в снопе света вспыхивает группа — Серафима, Голубков, Махров.

Б а е в. Это кто такое? Ты, папа римский, брехал, что в монастыре ни одной души посторонней нету? Ну, будет сейчас у вас расстрел!

П а и с и й. Что вы! Беженцы они из поселка. Беженцы... Прибежали!

С е р а ф и м а. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке. Ну, мы бросились в монастырь. Куда же

нам деваться? (*Указывая на Барабанчикову.*) Вот женщина, у нее роды начинаются.

П а и с и й (*сатанеет от ужаса, держится за ручку двери, каждую минуту готовый улизнуть. Бормочет*). Господи, господи, только это пронеси. Святой и славный великомученик Димитрий мироточец, твою же память празднуем сегодня.

Б а е в (*передавая фонарик первому буденовцу*). Свети! (*Берет паспорт Барабанчиковой, читает.*) Барабанчикова... замужняя... Где муж?

Барабанчикова громко и жалобно простонала.

Нашла место-время рожать! (*Швыряет паспорт и обращается к Махрову.*) Документ!

М а х р о в. Вот документики. Я химик из Мариуполя.

Б а е в. Химик! Химики-ботаники!.. А как ты во фронтовой полосе, ботаник, оказался? Видно, скучно с добровольцем в Мариуполе?

М а х р о в. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Б а е в. Огурчики?..

На железной лестнице загрохотали шаги.

Второй буденовец вбегает.

Что? Что?

Второй буденовец (*тревожно*). Товарищ Баев! Товарищ Баев! (*Что-то шепчет Баеву на ухо.*)

Б а е в. Да что ты врешь! Скудова?

Второй буденовец. Верно говорю... Главное, темно, товарищ командир...

Б а е в. Ну, ладно, ладно. Марш!..

Оба буденовца исчезают.

(Швыряет документы и начинает выходить. Проходя мимо Паисия, говорит тому.) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

П а и с и й. Нет, нет...

Б а е в. Только молитесь? За кого же вы молитесь, сердце твое и печень? За Черного барона или за Советскую власть? А? Ну, ладно, до скорого свидания, химики. У, гнида безбородая! *(Исчезает, погрозив всем на прощание револьвером.)*

За окном глухая команда, топот, и все смолкает, как бы ничего и не было. Паисий часто и жадно крестится, зажигает свечи и исчезает.

М а х р о в. Расточились... В форме... ишь ты. Недаром сказано: и даст им начертание на руцех или на челах их... Звезда-то пятиконечная...

Г о л у б к о в. Что такое случилось здесь? *(Шепотом Серафиме.)* Здесь уже должны быть белые... Местность в их руках. *(Громко.)* Бой... отчего все это произошло? Отчего?

Б а р а б а н ч и к о в а *(внезапно)*. Оттого это произошло, что генерал Крапчиков — задница, а не генерал!

Крупная пауза.

(Серафиме.) Пардончик, мадам.

Г о л у б к о в *(машинально)*. Ну?..

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну что «ну»? Ему прислали депешу, что конница появилась, а он, язви его душу, в преферанс сел играть.

Г о л у б к о в. Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Шесть без козырей объявил.

М а х р о в. Ого-го-го, до чего интересная особа!

Голубков (*насторожившись*). Простите, вы не коммунистка?

Барабанчикова. Да ну вас!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела. У меня были сведения, что здесь в Курчулане штаб генерала Чарноты стоял?

Барабанчикова. В Курчулане? Вон у тебя какие подробные сведения!

Серафима. Сергей Павлович!

Голубков. Нет, просто интересно узнать, что происходит...

Барабанчикова. Ну, был Чарнота! Как ему не быть! Был и весь вышел.

Голубков. А куда же он отправился?

Барабанчикова. В болото.

Махров. А откуда у вас столь обширные сведения, дама?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен.

Махров. Почему вы меня именуете архипастырем?!

Барабанчикова. Ну, ладно, ладно, нечего!

Паисий вбегает, подкрадывается к окну, затем гасит все свечи, кроме одной.

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь! И сами не знаем, кого нам еще Господь посылает и будем ли мы живы к ночи. (*Проваливается сквозь землю.*)

Слышен глухой, многокопытный топот.

Махров. Пожаловал кто-то. (*Исподтишка крестится.*)

На окне вспыхивает и танцует пламя.

Серафима. Пожар?

Голубков *(всматриваясь)*. Нет, это факелы! *(Прижимается к окну, смотрит, потом оборачивается, глаза у него ошалевшие.)* Ничего не понимаю, Серафима Владимировна, белые войска. Клянусь богом, белые! Офицеры в погонах! *(Вскрикивает.)* Свершилось! Поймите, Серафима Владимировна, — белые!! Мы перешли фронт!

Барабанчикова *(садится, закутанная в попону, говорит кисло)*. Ты, интеллигент! Заткнись мгновенно! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна. «Погоны... погоны...» Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый. А ежели я себе красную звезду на голову надену, ты уж будешь передо мной плясать, Интернационал напевать? А если отряд переодетый, тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол и поплыл, как басовая струна.

Ну, зазвонили. Засыпались монахи-идиоты! *(Голубкову.)* Какие штаны?

Голубков. Красные! А вон еще въехали... у тех синие с красными боками.

Барабанчикова. «Въехали, с боками...» Черт тебя возьми. С лампасами, может быть?

Слышна протяжная картавая команда де Бризара: «...первый эскадрон... слезай...» Шум. Барабанчикова, прислушавшись, меняется в лице.

Что такое? Да быть не может!.. *(Голубкову.)* Кричи «ура», кричи, говорю тебе! Смело кричи! *(Сбрасывает с себя попону и тряпье и вскакивает в виде Чарноты. Он в черкеске, со смятыми серебряными генераль-*

скими погонами. Револьвер засовывает в карман, подбегает к окну, свистит в свисток, кричит.) Смирно! Здравствуйте, гусары, здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Серафима, Голубков и Махров застывают в неподвижности. Дверь открывается, и первой вбегает Л ю с ь к а. Она в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами.

Л ю с ь к а. Гриша!.. Гри-Гри!.. *(Бросается на шею Чарноте.)* Не может быть! Не верю глазам!

Вбегает де Бризар в коротком полушубке и красных чакчирах, за ним ротмистр и Крапилин с факелом.

Глядите, господа! Живой! Спасся! *(Подбегает к окну, кричит.)* Полки! Слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

Де Бризар. Ваше превосходительство! Гриша! *(Целуется с Чарнотой.)*

Л ю с ь к а. Мы по тебе панихиду отслужили. Как ты спасся?

Ч а р н о т а. Числил себя в гробу и смерть видел близко, как твою косынку. Сели в Курчулане в карты играть с Крапчиковым, шесть без козырей... Слышу пулеметы. Буденный свалился с небес! Весь штаб перебили, я отстрелялся, вскочил в окно и огородами к учителю Барабанчикову. Давай, говорю, учитель, документы! А он, сукин сын, до того передреифил, что я сюда приползаю под покровом темноты... глядь, бабьи документы сунул, женины! Мадам Барабанчикова... и удостоверение — беременная! У монахов обыск в кельях идет. Говорю — переодеваться некогда! Кладите меня, как есть, в церкви. Лежу, рожаю... Слышу, шпорами — шлеп, шлеп...

Люська. Кто?!

Чарнота. Баев, командир буденовского полка.

Люська. Ах...

Чарнота. Думаю, куда же ты, Баев, товарищ, шлепаешь? Ведь смерть твоя лежит под попоной! Бери, думаю, меня скорее за плечико, открывай попону! Будут тебя, командир, хоронить с музыкой... И не тронул попоны!

Люська. А!!! (*Визжит.*)

Чарнота. Фу... (*Голубкову.*) Смотришь, петербургский житель? Никогда не видел, как кавалерийские генералы рожают? Ну, больше и не увидишь!

Де Бризар. Орден мадам Барабанчиковой!

Чарнота. А мне кубаночку и шашку!

Ротмистр. Пожалуйста, ваше превосходительство. (*Подает Чарноте свой ятаган.*)

Чарнота. Спасибо, ротмистр!

Снимает с головы Крапилина шапку-кубанку, надевает ее и выходит, за ним устремляются Люська и ротмистр.

Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Покатился вал, рев — в эскадронах и сотнях закричали «ура».

Де Бризар (*Крапилину*). А ну, освети их! Эти откуда? Ну, не будь я краповый черт, если я на радостях кого-нибудь в монастыре не повешу. Я-то уж попону приподниму! (*Махрову.*) Ты, социалист! Видно, красные тебя второпях забыли. Ну, у тебя и документа спрашивать не нужно, твои волосы — твой документ! Крапилин!

П а с и й (*вырастает*). Что вы. Это их высокопреосвященство. Высокопреосвященнейший Африкан!